

РС 63/88

25 июля 1988 года

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАН О ПЕРСПЕКТИВАХ ПЕРЕСТРОЙКИ
И БУДУЩЕМ РОССИИ

(Ниже печатаем текст программы,
которая передавалась Русской
службой РС 22/23.6.88)

С 26-е мая по 9-ое июня в Париже находилась советская делегация, в составе которой были два человека, члены Союза Писателей СССР, крупнейший литературовед Игорь Виноградов, и известнейший историк Натан Эйдельман. Они прочитали серию лекций в парижском университете и в институте славяноведения. Сегодня вы услышите интервью, которое Натан Эйдельман дал после одной из лекций парижскому корреспонденту Радио Свобода Фатиме Салказановой. Натан Эйдельман - автор 15-ти книг, из которых самые известные: "Лунин", "Ищу человека", "Пушкин и декабристы".

САЛКАЗАНОВА: Натан Яковлевич, я не хочу возвращаться к темам, которые вы очень подробно изложили в своем докладе сегодняшнем. Мне бы хотелось, чтобы вы поделились с нами скорее своим взглядом в будущее, чем в прошлое или настоящее, то есть, чтобы фантазер, прожектер, утопист, - Натан Яковлевич Эйдельман - сказал о том, каким ему хотелось бы видеть Советский Союз, какие реформы нужны, как должна продвигаться перестройка, и в каком направлении.

ЭЙДЕЛЬМАН: То есть, я должен выступить как бы в роли писателя-фантаста.

САЛКАЗАНОВА: Да, утопистом.

ЭЙДЕЛЬМАН: Утопистом. Ну, общеизвестно, что не гадают на прошлом. Конечно, далекие предсказания или самодовольные предсказания никогда не оправдывались, но, кое-что можно, мне кажется, разглядеть, помечтать. Пастернак говорил: "Я ловлю в далеком отголоске, что случится на моем веку". И тут даже близкие отголоски есть. Можно помечтать, что Россия, Советский Союз

будут двигаться вперед, очевидно по законам и, сугубо российским, и, может быть, всемирноевропейским. Ну, скажем, как Франция шла вперед, вот двухсотлетие Французской революции. Прошла период серий революций своих, французских. В 1789-ом, в том много чего подправили, в 1830-ом, 48-ом, 70-ом и еще, и еще, вплоть до пятой республики. В результате, не значит, что получилось идеальное общество, но, тем не менее, общество развивалось, совершенствовалось. Ну, революции были французские в своем духе, в своем стиле. В России свои революции, преимущественно сверху, благодаря огромной роли государства. Такова история России. Революция Петра, освобождение крестьян в России. В 905-ом и 17-ом году, там было мощное движение снизу, но тоже при огромной роли государства движение сверху. А затем много чего произошло. Я полагаю, что можно говорить о Сталине, о том, что творилось в начале 1930-х годов, как о своеобразной контрреволюции, тоже сверху происходившей. Но вот, сейчас у нас революция сверху очередная, которая должна продвинуть общество вперед по тем двум колеям, которые придумала история, (больше ничего не придумала, мне кажется), существенного прогресса - это колея экономическая, где рыночная экономика особая, приспособленная к общественной системе российско-советской, ну, рынок - система с обратной связью, эффективный рынок, а не барщина, не административный способ, то есть система без обратной связи. Но политическая демократия, тоже система с обратной связью, а не деспотизм, не административного воздействия только сверху вниз. Вот, это намечается. То, что это объективно-исторический закон видно из того, что это прерывалось уже во времена Хрущева. Была непоследовательная, но, все же попытка продвинуть эти две колеи. Более того, реформы Косыгина, так сказать, в 1965-м году, тоже была попытка движения неудачная, потому что, только экономическая сторона двигалась, не хватало демократизации.

САЛКАЗАНОВА: Да, но опыт неудачных правительственных реформ в Советском Союзе накоплен очень большой.

ЭЙДЕЛЬМАН: Да, вот сказать. Конечно, скажем, хрущевский период. Там, формально, вроде бы не удалось и Хрущев был отставлен. Но, ведь страна стала другой. Даже в период застоя брежневского не было возвращения к системе сталинских лагерей. То есть, прилив на вот этого движения к демократии, к экономике. Ну, не последовательно, противоречиво. Потом был отлив, но отлив не был столь сильным, как прилив. Образовалась зона, отвоеванная у истории или для истории, лучше сказать. А сейчас новый, мощный прилив. И когда наши лидеры говорят, - а мы знаем, неоднократно говорилось и писалось, - что задача провести как можно крепче и основательнее преобразования, чтобы было как можно больше необратимых последствий. Что такое необратимые последствия? Значит, то волна приливная заходит так далеко по экономической части, по

демократической, что даже не дай Бог, если когда-нибудь будет отлив (бывают в истории, конечно, отливы), то он все же уже не вернет нас на брежневские рубежи, уже будет новая завоеванная зона. Страна станет еще более гибкой, а экономика с более развитой демократией. Конечно, отливы очень болезненные, и надо мечтать, чтобы их не было. Для этого требуется сложнейшая борьба. И это зависит от того, насколько, конечно, революция сверху будет принята снизу.

САЛКАЗАНОВА: Насколько сама революция сверху будет последовательной?

ЭЙДЕЛЬМАН: Насколько революция будет последовательна - это тоже во многом зависит и от отношения с нижним движением. Очень многое зависит от этого. В общем, тут взаимно, взаимно, Ну, хотелось бы пофантазировать и представить, что лет так через 10-15, это обычное время для подъема, вот подъем периода Хрущева длился столько. Подъем, кстати в конце 19-го века, то есть в 60-ых, тоже столько - 10-15-20 лет - время одного поколения. Что за это время будет сильно нормализована экономика и демократия в специфических условиях, так сказать, советских, государственных, при обобществленной экономике, но будет, есть возможность и есть модели для движения вперед. Все это будет связано, разумеется, с ослаблением международной напряженности.

САЛКАЗАНОВА: Но конкретно, как вам кажется, какие нужны реформы сейчас, чтобы добиться той ситуации, при которой рынок будет свободным, будет свобода и экономическая, и расцвет экономики, и свобода социально-общественной жизни, то есть демократия?

ЭЙДЕЛЬМАН: Я бы перечислил по названию те реформы, какие были в 1861-ом и следующих годах. Ну, экономическая реформа, она уже идет, но речь идет об усилении самостоятельности предприятий, развитии кооперации, о децентрализации, о максимальной самостоятельности и рыночных правах в новых условиях. Это, можно сказать, освобождение от государственного крепостного права. Так что тут аналогия с тогдашним освобождением от крепостного права. Это в экономике. Значит, максимально возможная децентрализация. Государство сохраняет свой вес, свою власть путем госзаказов и маневрированием налогами, а кооперация плюс индивидуальная деятельность плюс государственные предприятия, но с сильно развитыми правами, в сущности создают новый экономический базис. Мечтания. Я понимаю, как это трудно. Теперь судебная реформа. Я считаю реформой № 1 судебную. Это всегда провальная область была в России, в русской истории. Хороший суд дает так много обществу.

Пример западных стран показывает, что, даже в самых жестких абсолютистских режимах в Англии и во Франции суд, а также права местных организаций - вот муниципалитетов на Западе - то есть суд плюс расширение прав местных организаций...

САЛКАЗАНОВА: То есть, "Вся власть Советам".

ЭЙДЕЛЬМАН: Вся власть Советам - да. Не только Советам, и профсоюзам и т.д. Опять децентрализация уже политическая, перенос власти вот одного центра к многим центрам, к многоцентровости. Один из центров - суд. Другой центр - местная власть.

САЛКАЗАНОВА: Многоцентровость вместо однопартийности?

ЭЙДЕЛЬМАН: В известном смысле - да. То есть партия, как сказано вот в тезисах 19-ой партконференции, исторически сложившаяся однопартийная система. Ну, это нормально.

САЛКАЗАНОВА: То есть, Натан Яковлевич, в самых ваших дерзких мечтаниях вы не заходите настолько далеко, чтобы представить себе существование нескольких партий и выборы правительства, парламента?

ЭЙДЕЛЬМАН: Нет. В самых дерзких захожу еще и дальше. Речь заключается в том, что речь о ближайших каких-то перспективах. Да, исторически сложившаяся система. Другое дело, что роль партии меняется. Она постепенно, предполагается отказ от непосредственного вмешательства в хозяйственную деятельность. Есть даже и райкомы, у которых нет отраслей - промышленности, сельского хозяйственного и т.д. Уже даже одна партия в разные эпохи - это разные партии. Если одна партия, которая отказывается от жесткого, детального, мелочного указания, указательства и планирования, сочетается с серией таких организаций, как там кооперация, особенно объединения кооперации, это очень интересно, таких формах, как народный фронт, то есть объединения разных творческих союзов и коопераций, и всяких низовых таких организаций, как это мы сейчас видим в Эстонии, - такой своеобразный народный фронт. Будут, видимо, и другие формы выработываться в таких организациях, которые создаются снизу и берут на себя часть инициативы и часть власти. А судебная реформа - это часть многоцентровости, если, значит, если суд становится реально более независимым, значительнее, чем он был, то это уже очень важный еще один центр жизни проявляется. Если кооперации активизируются, да еще они опираются в размерах сначала города, области, а потом даже можно мечтать о размерах страны...

САЛКАЗАНОВА: Вы имеете в виду, конечно, независимый суд?

ЭЙДЕЛЬМАН: Разумеется. Абсолютно независимый суд не бывает, как знал даже Монтескье, но он говорил о разделении власти все равно, как о том, к чему следует стремиться. Вообще, независимый суд провозглашен в нашей конституции. Другое дело, что реально это не соблюдается, и даже у нас в газетах появился термин, что, так сказать, "позвоночное решение" - по звонкам решается, по звонкам от начальства. Значит многоцентровость. Суд, кооперация, культурные общества, творческие союзы, которые из бюрократических придатков к министерству культуры, должны стать самостоятельны. Скажем, что сейчас расширены права школ. Школы могут сами набирать учителей, по крайней мере, отчасти московские школы. Ну, а раньше только отдел народного образования - районный или городской - кого спустит или утвердит или снимет - без этого нельзя было. Сейчас школы сами набирают. Мелочь, казалось бы. Это первый шаг на пути усиления самостоятельности школ. Будем мечтать о самостоятельных кооперативных издательствах. Увы, у нас здесь только вздыхают об этом пока. Пока это не получается. Не дают, по-видимому. Кооперация вот такая - объединения, кооперация или самостоятельная инициативная государственная группа будет, будет в моем мечтании занимать очень видную роль, будет страна с малым процентом, я думаю, чисто такой индивидуально-частнособственнической деятельности хотя это будет - индивидуальная деятельность. Ну вот я знаю, в ГДР частный сектор, индивидуальный сектор 3% экономического оборота берет на себя, но его видно, его заметно, он производит такие вещи, о которых не могут думать крупные предприятия. 3%! Но остальные 97 тоже должны в моем мечтании, быть отнюдь не столько централизованно государственными, сколько общественными, кооперативными. Вот кооперация, может быть, самое такое, в широком смысле слова понятное, новое слово. Не частное, но и не сверхгосударственное. Я мечтал бы, и вполне допускаю, что пройдут десятилетия и многие наши идеологические споры покажутся очень несущественными. Мы сделаем шаг к разгосударствлению. Запад в поисках разных форм будет, сделает шаги, уже делает шаги к обобществлению, к государственным секторам. Демократия будет разбивать барьеры. И, как знать, хотелось бы надеяться на форму...

САЛКАЗАНОВА: Произойдет сближение?

ЭЙДЕЛЬМАН: ...сближение, даже слияние во многом. В общем, сбудется мечта Пушкина о том времени, когда "народы, распри позабыв, в великую семью соединятся".

САЛКАЗАНОВА: Натан Яковлевич, буквально на днях Юрий Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института, сказал по Московскому радио следующую фразу (я цитирую): "Пожалуй, нет такого народа и такой страны, со столь фальсифици-

рованной историей, как наша". И тут у меня возникает к вам вопрос, вопрос к историку: вы не чувствуете какой-то упрек в этой фразе лично по отношению к себе?

ЭЙДЕЛЬМАН: Разумеется. Любой человек, либо занимающийся историей, да даже и не обязательно профессионально занимающийся, даже если я просто интересуюсь историей, то я тоже должен бы активнее искать истину, пусть даже в недоступных книжках. А уж если ты профессионал-историк, как я, чувствую, разумеется...

САЛКАЗАНОВА: Извините, я хочу уточнить свою мысль. Почему, например, литературный Самиздат - это огромное количество произведений высшего качества, и не было, совершенно не было исторического Самиздата? Были отдельные работы, которые попадали в Самиздат, но было такое впечатление, что в застойные времена, в годы, когда писатели и поэты продолжали активно работать и пускали свои произведения в Самиздат, историки как будто вообще не создавали ничего актуального и правдивого?

ЭЙДЕЛЬМАН: Это я бы не согласился с такой формулой. Во-первых, историческая работа требует определенных жестких профессиональных навыков, работы в архиве и т.д. Тут человек может хорошо писать, но не иметь доступа в архивы и не иметь чисто таких научных навыков, поэтому в этом, историками делаются, поэтами рождаются - сказано. Вроде бы это с поэтом, но историком надо сделаться, время нужно. Афанасьев прав в смысле положения тяжелого в истории, но при этом был ряд историков, которые не ввали, которые, если не все говорили, и это, конечно тоже известное искривление фактов, но, по крайней мере стремились к истине. Был ряд историков, археологов...

САЛКАЗАНОВА: Назовите их.

ЭЙДЕЛЬМАН: Ну, вот сейчас только что избран член-корреспондентом Академии наук замечательный, я считаю, историк, работающий над народным сознанием Сибири, Николай Николаевич Покровский, ленинградский историк-этнограф Кирилл Васильевич Чистов, ну и всем известный Дмитрий Сергеевич Лихачев. У этих людей могут быть ошибки, неточности, но это искренне ошибки, как у любого. Значит, это я назвал. Вот мой покойный учитель Петр Андреевич Зайончковский - крупный специалист по 19-му веку. Можно назвать немало историков, которые в самые застойные годы стремились к правде и учили этому своих учеников. И я многим, например, обязан таким моим учителям. Учили...

САЛКАЗАНОВА: Не всегда получалось?

ЭЙДЕЛЬМАН: Не всегда получалось... Вернее не так - всегда должно было получаться - это старание, стараться надо было. Не всегда было возможно сказать все.

САЛКАЗАНОВА: Натан Яковлевич, вы лично принадлежите к той категории историков, которые не вралли?

ЭЙДЕЛЬМАН: Мне так хотелось бы думать, хотя, скажем, я занимался сугубо 18-19-ым веком, хотя мне было очень интересно прикоснуться было к более близким сюжетам, но я знал, что там зона правды значительно сужена. Мне тоже приходилось считаться и с сложившимися такими твердыми установками по части Ивана Грозного и Петра Великого. Вот, скажем, стоило мне в одной работе однажды опубликовать материалы, вслед за Герценом, о расправе Петра Великого со своим сыном, царевичем Алексеем, и высказать мысль о том, что там многое неясно, что, вообще, позиция Алексея не ясна, что как можно анализировать его показания, полученные под пыткой, и надо считаться с тем, что, скажем, просто народ поддерживал Алексея, хотя при этом он был вероятно консерватором, но все было непросто, как ряд таких знатных историков, мне передали во всяком случае, ну, я почувствовал на себе, были обижены и считали, что я поднял руку на Петра и т.д. Но это как-то обошлось, сравнительно, для меня. Вот пример, пожалуйста, еще один. Я в некоторых своих работах популярных, да и не только популярных, хорошо отозвался о картине художницы Назаренко, ну, "Арест Пугачева", то есть Пугачева везут пленного, связанного в Москву на казнь. Там везут его солдатики. Во главе солдатиков Суворов. Так и было - Суворов вез пленного Пугачева. И я приводил это как пример острой диалектики: у нас и Пугачев положительный герой, и Суворов положительный герой. Но вроде, по нашим прежним временам, они должны были сидеть рядком и быть друзьями. Конечно, этого не было. И в этом трагедия была российской жизни. И вот художница, которая это показала, на нее накинулись: как она могла сделать Суворова тюремщиком? Да, Суворов великий полководец, но велик он не тем, что он везет Пугачева. Все достаточно сложно. Об этом надо говорить: вот были, видите, даже на уровне 18-го века, желания остановить правду, сгладить, даже на таком уровне. Вот сейчас, конечно, вряд ли бы зашел такой разговор, вряд ли бы кто-то посмел бы даже упрекнуть художницу или, ну, историка вот за такой подход. А вот несколько лет назад это было весьма реально. В общем, я пытался в своих книгах говорить о некоторых вещах неприкосновенных и даже иногда вот было тяжело. Скажем, один покойный ученый упрекал меня, - покойный ученый, очень интересный ученый и серьезный - упрекал меня, что я вот рассказал, что декабристы в своих процессах, на своем процессе вели себя неважно, выдавали друг друга, не все...

САЛКАЗАНОВА: Раскалывались.

ЭЙДЕЛЬМАН: Раскалывались, да. Там, Лунин вел себя прекрасно. Как раз герой моей книжки Лунин вел себя прекрасно, еще несколько человек, но все-таки выдавали - так вышло. Вот не надо, - сказал мне этот ученый. - это все правда, но об этом не надо писать. Видите, вот такой подход возможен. Я и мои коллеги, мы старались сказать больше. Иногда намеком, увы, иногда окольными путями, там, где было нельзя. Ну, думаю, что мы сделали не все. Самодовольство мне, я говорю совершенно искренне, не свойственно. Ряд вещей в те годы - наверное, о них следовало бы говорить резче. Во-первых, сейчас центр исторической правды переместился, я сказал бы, находится в сфере литературы и кино. В "Огоньке", в "Литературной газете" появляются такие материалы, до которых историки еще не дошли. Еще историки когда напишут, скажем, о выселенных народах, там, о крымских татарах, а вот, уже Приставкин написал.

САЛКАЗАНОВА: Но историки не дошли, потому что еще не решаются, или по какой-то другой причине.

ЭЙДЕЛЬМАН: Ну, некоторые не решаются, некоторые не решаются и историки все принадлежат к кланам. Они, менее свободны и организационно, чем писатели. Они все состоят в каких-то институтах. Нужно утвердить план в институте, и так далее. Кроме того, архивы, и это тоже важный момент. Идет борьба, я уже знаю точно, она идет. Об этом говорили, были резкие схватки с прежней дирекцией, ну, например, с Институтом марксизма-ленинизма. Там, она, вообще считала, что архивы не нужны - все ясно. Но сейчас их скинули и ряд историков просто отправили в архивы. Сейчас мы ждем. Уже есть, вот, сообщение. Вот Ваксберг - правда, не историк, он литератор-юрист. Но вот, материалы в "Литературной газете" о процессе военных, о Вышинском, заметьте, в "Литературной газете" появилось, а не у историков. Это все очень симптоматично. Значит, литература лидирует, прокладывает путь. Ну, и историки уже начинают, я знаю, действовать, начинают; бесконечно это будет медленное писание, более медленное, чем литературное. Но, я знаю людей, многих, которые могут эти работы написать, и вижу обстановку, которая позволяет это написать. Значит, если люди, надеюсь, останутся, если обстановка не изменится, как мы все надеемся, то я жду через несколько лет ряд капитальных работ и по советскому периоду, и не только. Дело в том, что нынешняя перестройка раскрепощает всю историю. Даже назад. - И по Петру, и по Ивану Грозному. Вот по тысячелетию Крещения Руси сейчас можно говорить некоторые вещи, которые раньше не принято было говорить - о прогрессивности христианства и так далее. Так что, я ожидаю публикации документов. Будь моя воля, я дал бы сборник документов с комментариями, с комментариями историков, ежели бы еще комментаторы были подключены литераторы, это, вообще, цены бы не было. Мне кажется,

публикация документов существенных, может быть по каждому году, по каждому, по периоду, да, это такое мое мечтание. Поговаривают о расширении сети исторических журналов. Вот уже, это журнал "Наследие" - орган фонда культуры, где очень неплохие люди, я знаю, обратились и они будут издавать историко-искусствоведческие темы. Поговаривают еще об издании историко-литературных журналов. Нужна площадка, платформа.

САЛКАЗАНОВА: Как вы думаете, сколько лет понадобится, чтобы восстановить правду об истории СССР, если она самая фальсифицированная в мире, как говорит Юрий Афанасьев?

ЭЙДЕЛЬМАН: Да, фальсифицированная, конечно, здорово, что говорить. Но, правда, уже есть,, хотя бы в той форме, что люди не верят, не верят старым работам, не верят, давно не верили. Иногда это скепсис очень примитивный, уж ни во что не верят. Один молодой человек спросил одного лектора, (при мне было дело): "Слушайте, действительно Гитлер напал на Советский Союз или тоже, что-нибудь тут не так?" Видите, до чего дело доходит? Конечно, он абсурдный и темный человек спросил, но это обратная уродливая реакция на уродливую ложь по многим линиям. Я думаю, что те, кому сейчас лет 14-15 - это люди, которые вступают в активную сферу своей жизни, в самую напряженную, в период, все или, почти все говорится. Вот эти люди - это поколение, когда вырастут, когда они пройдут, станут отцами. Значит, лет через 10-15 они станут родителями...

САЛКАЗАНОВА: Это будет первое правдивой поколение?

ЭЙДЕЛЬМАН: Да. Уже есть непуганное поколение сейчас, будет правдивое. Так что, это поколение следующее, я думаю, это было бы неплохой базой, но, роаумеется, абсолютно идеальных, исторических, правдивых ситуаций не бывает. В самых свободных странах у людей есть много всяких предрассудков - там религиозных, национальных и государственных. Во Франции, мы знаем, их немало, например. Но это не значит, что люди владеют исторической, истинной правдой,. Но они, по крайней мере, знают, что ее можно найти, хотя бы из-за сопоставления мнений. В общем, я верю, это, хотя историки, как я уже сказал, разогреваются мнениями литераторов, но здесь все-таки сокрушить какие-то бастионы лжи и сказать правду по каким-то главнейшим вопросам быстрее и легче, чем, скажем, выправить дело промышленности. Вот то, что сейчас отменили экзамены в школе, вот показатель любопытный. С одной стороны - признание того, что дело обстоит неважно, а с другой стороны - признание того, что люди должны иметь право

задумываться, имеют право иметь разные мнения. Дается право на самостоятельное размышление и избавляет их от диктата неподготовленных специалистов или не специалистов.

САЛКАЗАНОВА: Большое спасибо, Натан Яковлевич! Вы очень редкий гость в Париже. Если не ошибаюсь, вы в первый раз во Франции и мы очень надеемся, что не в последний, потому что вы многое нам объяснили и даже во многом убедили.

* * * * *